

Десять лет из жизни Нади Шевелёвой

18+

Кина Марич

Кина Марич

Десять лет из жизни Нади Шевелёвой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71010355
SelfPub; 2024

Аннотация

Кто-то ищет любовь, кто-то деньги и удовольствия, а кому-то нужен идеал. Жизнь по-разному отвечает на наши запросы, но чаще всего мы получаем именно то, что просим. Четыре рассказа – четыре истории о нашей жизни, в которой чего только нет.

Содержание

Соточка 4
Список добрых дел 17
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Кина Марич
Десять лет из жизни Нади Шевелёвой

Соточка

Банкомат выплюнул стопку купюр. Филиппов внимательно оглядел деньги. Среди новеньких двухсоток затесалась одна сотенная купюра – старого образца. Она не была потрёпанной и выглядела очень даже прилично, но всё равно как-то не вписывалась в эту симпатичную пачку розовеньких хрустящих бумажек. Профессиональный взгляд бывшего кассира моментально уловил еще один дефект неприглянувшегося дензнака – в уголке его виднелся нечёткий тёмно-синий оттиск в виде странного вензеля с характерным хвостиком. Филиппов не любил такие следы на купюрах, и когда работал в банке, всегда старался от «меченых» денег избавляться. Укоренившись, эта привычка, как и многие другие, приобретённые за годы работы с финансами, перекочевала в новую жизнь бизнесмена.

– Ты их ещё понюхай, – предложил однажды Филиппову его зам, когда увидел, как босс священнодействует над сто-

лом с банкнотами. Все купюры рассортированы по пачкам и выложены лицевой стороной внутрь – такая милая сердцу Филиппова картинка у его заместителя вызывала только иронию. Удивляясь причудам своего босса, тот не без оснований полагал, что деньги нужно делать из всего возможного и невозможного, что каждое телодвижение должно приносить деньги, а уж как они там разложены и в каких купюрах, это, как говорится, дело третье. Но бухгалтерско-кассирское нутро никак не примиряло Филиппова с этой простой истиной, и, как уже случалось раньше, на этот раз он опять отложил не понравившуюся ему сотку в другое отделение бумажника.

«Надо будет её быстрее потратить», – промелькнуло в голове, и в следующую секунду созрел чёткий план по эффективному избавлению от сотенной купюры. Через час Филиппову предстоял визит к одному большому чиновнику, который, разумеется, небескорыстно продвигал его бизнес-интересы. Предоплата уже была произведена, а всё остальное, как и было уговорено, государеву слуге причиталось после завершения совместной операции. Сегодня по графику не намечалось никаких расчётов, так что сотка, понятное дело, предполагалась не ему, тем более что гонорары радетеля за предпринимательские судьбы исчислялись совсем другими суммами. Мозолившей глаза купюре предстоял обмен в каком-нибудь магазине на скромное подношение для секретарши чиновничьего бога. Хоть прижимистая натура Фи-

липпова и бунтовала против такого расточительства, но он, попадая в высокие кабинеты, упорно не обходил вниманием не только сидящих там важных лиц, но и особ, к ним приближённых. Прикормленная секретарша и бумаги никогда не потеряет, и соединит с руководством, когда нужно, да и так по мелочи подскажет что надо, поможет. Такие мелкие услуги приносили на поверку большую пользу – это первое, что чётко усвоил Филиппов, когда в один прекрасный день он распрощался с работой «на дядю» и открыл свое дело.

Дорога до министерства заняла больше обычного – пришлось в срочном порядке решить по телефону несколько неотложных вопросов, а потом ещё надо было вырулить из образовавшейся пробки. Прибыв на место, Филиппов обнаружил, что времени на шоппинг у него не осталось – не долго думая, он ткнул сотку в пустой конверт, закрыл машину и направился к выстроенной по последнему слову архитектуры стеклянной высотке.

«Давно бы так», – умилилась протянутому конверту секретарша, которую по традиции заваливали кондитеркой и стандартными наборами канцелярских товаров. Узрев в конверте непрезентабельную соточку, она уже не могла скрывать своей радости и с особым рвением начала отрабатывать полученные деньги, то есть ускорять процесс попадания благодарного посетителя в заветный кабинет. Не прошло и получаса, как на глазах у изумленной публики, собравшейся в приёмной, Филиппов гордо проследовал в распахнутые пе-

ред ним двери. Люди в очереди немного пороптали, но возмущаться во весь голос не рискнули – бывалые ходоки по высоким кабинетам, они знали, что дело это бесполезное.

Вечером в переполненной маршрутке секретарша Алёна долго прикидывала, на что потратить дармовой стольник. Денег этих, как ни крути, на серьёзную покупку не хватало. «Даже на кофточку нормальную не выкроишь», – посетовала она про себя на стремительное обесценивание национальной валюты, а в списке первоочередных приобретений значились сапожки, сумка, новые перчатки тоже, обязательно кожаные … Да и костюмчик ещё один при её работе был бы совсем не лишним. Но до аванса, похоже, ни один из пунктов вычеркнуть не получалось, так что удел сотки обозначился сам собой – дожидаться более существенного финансового поступления.

Как и большинство наших граждан, заначку свою Алёна хранила там, куда криминалисты категорически не советуют класть деньги – в книге. Ей же казалось, что надежнее «Сравнительной анатомии беспозвоночных» ни книги, ни места в их густонаселенной квартире не найти. Правда, сейчас среди пожелтевших страничек её тайника не было ни одной купюры. Ради купленного недавно пальто Алёне пришлось опустошить не только свои золотовалютные резервы, но и залезть в святая святых – бабушкины сбережения, отложенные, как та говорила, на смерть. Разумеется, с бабушкиного согласия.

Придя домой, Алена первым делом прошла в большую комнату к шкафу – благо, вся семья в это время ужинала в кухне – вынула несколько книг из первого ряда, достала драгоценный учебник и положила в него купюру с вензельком. Заталкивая книгу обратно, вспомнила не без трепета, сколько сил, времени и денег она, будучи студенткой биофака, потратила на поиски этого ценного учебника, изданного ещё в 1940 году.

После ужина к Алене подкатил её шестнадцатилетний племянник Женька. Он всю жизнь считался проблемным ребёнком, и, соответственно, таковым и был. Особенно для своих родителей, которые неутомимо пытались из проблемного сына вылепить путного человека и терпели на этом поприще устойчивое поражение. Алёна была единственной в их семье, кто считал проблемным не Женьку, а его родителей, патологически не способных слышать и понимать своего ребёнка.

Последним показательным в этом плане шагом было решение Аленкиного брата «поступить» сына в финансово-экономический колледж, где у родителя был блат. «Надо быть полным идиотом, – подумала тогда Алена, – и не понимать, что Женькину творческую натуру ни к каким финансам и близко подпускать нельзя. Из него такой же специалист банковского дела, как из меня китайский царь». Но говорить об этом ни брату, ни его жене она не стала: несколько предыдущих её попыток подкорректировать воспитатель-

ный процесс племянника оказались абсолютно безуспешными, а резкое замечание брата из серии «своих детей заводи и учи» отбило у Алёны всякое желание совершать подобные попытки впредь. Но Женьку ей было жаль, поэтому как могла, она старалась поддерживать племянника.

На сей раз проблема у парня была самая что ни на есть финансовая – нужны были деньги, чтоб заплатить за контрольную по экономическому анализу, с которой – Алена в этом была уверена – Женьке никак не справиться, даже если он вывернется наизнанку.

Племянник заверил, что расходы по данному предприятию не превысят сотенный рубеж, и сердобольная тетя, не долго думая, полезла в книжный шкаф за своим фолиантом.

Так посредством Женьки сотка с вензельком перекочевала в руки преподавателя по экономике Валерия Михайловича. Он вовсе не был вымогателем и взяточником, более того – в начале своей педагогической карьеры категорически отказывался от подобных форм общения со студентами, чем, надо сказать, немало попортил им кровушку. Со временем стало очевидно, что эта никому не нужная принципиальность обернулась для Валерия Михайловича не только проблемами с неподдающейся обучению молодежью, но и конфликтами с коллегами. Из-за своей несговорчивости он даже умудрился попасть в немилость к руководству колледжа в лице замдиректора, которого как человека от природы гибкого поведение упрямого преподавателя буквально

выводило из себя.

– Подходишь к нему, – жаловался замдиректора кому-то из своих приближённых, – говоришь, объясняешь, чуть ли не подмигиваешь – думаешь, ну понял же всё человек. Нет, на следующий день смотрю – у всех моих протеже стоят двойки.

Устав бороться с необратимыми процессами, Валерий Михайлович махнул рукой и решил быть, как все. Тем более, что лишние деньги оказались даже очень кстати. Работа над диссертацией занимала много времени, поэтому с репетиторством и прочими халтурками временно пришлось завязать, а они, как ни крути, были не только серьёзным подспорьем к его скромному жалованию, но часто по общим итогам выставляли это самое жалование в очень невыгодном свете.

Став педагогом-оборотнем, Валерий Михайлович всё-таки не сильно наглел и если видел, что у студента в голове хоть что-то варит, то к знаниям норовил его всячески поощрить: требовал пересдачи и конвертик игнорировал. А когда приходилось иметь дело с безнадёгами типа Женьки, то тут Валерий Михайлович, не мудрствуя лукаво, смело шёл по проторенной опытными коллегами дорожке.

От всяких угрызений совести он давно избавился, тем более что в семейном бюджете постоянно зияла огромная дыра из-за регулярных расходов на медицину. Года три назад они с женой задумали выяснить причину бездетности их уже пятилетнего на тот момент брака. Походили по врачам, что-

то полечили, но безрезультатно. Решили прибегнуть к искусственному оплодотворению. Две попытки – и тоже неудача. А потом у жены начались какие-то осложнения, и все ресурсы – материальные и моральные – стали уходить на борьбу с этими осложнениями. Она уже второй год не работала, периодически попадала в стационар. Потом ей посоветовали какой-то очень эффективный санаторий, и Валерию Михайловичу пришлось тщательно скрести по всем сусекам, чтоб купить жене путёвку.

В последние пару месяцев движение за здоровье в силу отсутствия финансового обеспечения было приостановлено, и, как показалось Валерию Михайловичу, эта пауза благотворно сказалась на его половине – она немного поправилась, похорошела и даже перестала хандрить.

– Звонила сегодня Наталья Васильевна, – услышал Валерий Михайлович за ужином.

– Какая Наталья Васильевна?

– Гинеколог мой, Валера. Ты что забыл?

– А-а. И чего она хотела?

– Говорит, прийти показаться мне надо – давно не была, – потупив взор, проговорила жена.

– Иди, конечно. Может, у тебя уже и в порядке всё. Пусть посмотрит, – он одобрительно кивнул и открыл газету.

– Надо бы что-то ей дать, а то, ты же знаешь, промурыжит меня – то туда пойди, то сюда. В очереди потом продержит…

Валерий Михайлович кивнул, порылся в карманах и вы-

нул полученную им сегодня откупную.

Наталья Васильевна Гороховская была неплохим врачом. Её ценили – и начальство, и пациенты. Говорят, чтоб с таким трепетом к тебе относились другие, надо сначала научиться любить и ценить себя самому. С этим у доктора Гороховской проблем не было, поэтому, когда страна, наскоро поменяв ходовую часть своего огромного эшелона, перебралась с широких путей на узкоколейку рыночных отношений, Наталья Васильевна решила, что имеет полное право внедрять эти отношения на своем рабочем месте. «Ни один уважающий себя человек, – дала она исчерпывающий анализ текущему моменту, – не будет работать за такие деньги». Так рассудив, быстренько рванула в платную клинику, но там у неё что-то не срослось, и, поджав хвост, предприимчивый доктор поспешила вернуться в свою женскую консультацию.

Развернув активную деятельность по самопродвижению, она быстро добилась того, что к ней стали приходить женщины не по участку, которых она, по идее, не обязана принимать. Понятно, что каждая из этих пациенток попадала на приём за определенную мзду. Такой приток народа естественно создавал очереди, и законным пациенткам достаточно было один раз понаблюдать за странными манипуляциями в порядке очереди, чтобы осмыслить наиболее вероятные пути попадания в категорию пусть хотя бы не льготников, но первоочередников точно. У несогласных с такой постановкой вопроса выбора большого не было: или сидеть до

новых веников, или идти к другому врачу, а там опять-таки придётся платить – «чужого» просто так никто принимать не станет.

Жена Валерия Михайловича была принята своевременно – в предыдущие визиты Наталью Васильевну не обижали. Внимательный осмотр, вежливые рекомендации, пара рецептов, приглашение на повторный визит через месяц – и благодарная пациентка покинула кабинет, оставив на столе у врача полученную накануне от мужа купюру с загадочным оттиском.

Когда за последней пациенткой закрылась дверь, Наталья Васильевна обозрела свой необлагаемый налогом доход: денег оказалось достаточно, чтоб решить вопрос с курсами повышения квалификации, на которых она формально в данный момент находилась. Квалификация, как полагала Наталья Васильевна, у неё и так высокая, и на курсах, которые она посещала не раз в своей жизни, ничего нового ей не скажут и без неё там уж точно обойдутся. А вот каково без неё придётся целый месяц пациенткам бедным, да и как она проживет без них на одну-то зарплату, это как раз большой вопрос. С заведующей консультацией утрясать дело долго не пришлось – у той быстро нашёлся свой финансовый интерес в таком не совсем законном, но, в общем, достаточно невинном манёвре.

На следующий день «меченая» сотка вместе с другими купюрами была доставлена в институт последипломного обра-

зования руководительнице той группы, в которой Наталья Васильевна как бы повышала свой профессиональный уровень.

И опять не случилось приметной денежке быть потраченной банально на колбасу или селёдку, не расплатились ею за красивую причёску и не пропили, на худой конец, в каком-то баре. Ответственная за обучение докторов в тот же день отнесла полученную сотку на биржу труда. Её муж, который полгода вкалывал на каких-то чужеземных заработках, предусмотрительно перед отъездом оформился безработным. Дело верное – узнал он тогда от знакомых – и стаж трудовой идёт, и деньги какие-никакие капают. Инспектор к ситуации отнеслась понимающе и великодушно позволила супруге приходить и отмечаться вместо мужа. За очень скромное, по сути, вознаграждение.

Выбора между брать и послать тех, кто дает, у милейшего инспектора Валентины Ивановны Раденко, по большому счету, не было. Жила она в пригороде, на дорогу тратила немало сил, а самое главное – средств. Таким образом зарплата, очень даже неплохая как для её поселка, на поверку оказалась скудным вспомоществованием. Плюс к этому неработающий и пьющий муж – вот вам и финансовый кризис в одной отдельно взятой семье.

Поздним вечером, уставшая и разбитая, Валентина Ивановна прямо с корабля, то есть электрички, аккурат подоспела на бал. Правда, неритмичные движения участников мор-

добоя на танец походили мало, но по количеству экспрессии и импровизаций это было, несомненно, первоклассное шоу.

Пока соседка вводила вновь прибывшую зрительницу в курс происходящего – причиной драки, дескать, стали расхождения в политических взглядах её участников – к Раденковскому двору подкатила милицейская машина. Дальнейшие события развивались по обычному сценарию: трех самых ярких участников представления быстро затолкали на места за решёткой и увезли в самом что ни на есть известном направлении.

Не мешкая, выдвинулись в ту же сторону и супруги несчастных жертв плюрализма мнений – выручать-то надо мужиков, не чужие ведь. Люди в погонах оказались удивительно сговорчивыми и вернули Валентине Ивановне непутёвого мужа за совсем, можно сказать, символическую сумму, которая обнаружилась у неё в кошельке.

В руках лейтенанта многострадальная сотка задержалась недолго – на следующий день в качестве спонсорской помощи она была принята директором той школы, в которую человек в погонах переводил своего сына-пятиклассника. Потом дочь директора, открывающая небольшой магазинчик у школы, расплатилась «меченой» купюрой с проверяющим из противопожарных органов, а тот, присовокупив полученное к отложенной заранее сумме, отстегнул регулярную дань своему начальству.

Дальнейшие путешествия приметного дензнака были са-

мыми разнообразными: не единожды он всплывал в госучреждениях, побывал, конечно, на таможне и в ловких руках блюстителей порядка на дорогах. Всплыл однажды в детском саду, не обошёл своим вниманием налоговую инспекцию, коменданта студенческого общежития, роддом и даже сторожа, дядю Колю, который за означенную сумму согласился не заметить, как ловкие ребята вынесут с территории завода некоторое количество изготовленных там ферросплавов.

Спустя пару месяцев после начала своего триумфального шествия сотенная купюра с загадочным оттиском снова попала на глаза Филиппову. Он обнаружил её у себя дома мирно лежащей на тумбочке.

– Это мне мама оставила, – объяснила бывшему кассиру его дочь-студентка, – справку сегодня надо в медпункте сделать, чтоб за пропуски по физ-ре не влетело.

Филиппов продолжал разглядывать сотку и размышлять о том странном пути, который проходит самое универсальное мерило стоимости вещей, именуемое деньгами.

– Прикинь, отец, – дочь прервала его размышления. – А меня вчера воровкой в Интернете обозвали. Я спросила у народа в чате, где можно книженцию одну бесплатно скачать. И знаешь, что мне ответили? Бесплатно скачивать, оказывается, нельзя – это воровство. А если я хочу что-то почитать бесплатно, то надо идти в библиотеку. Представляешь?

Список добрых дел

Коммерческий директор Михаил Фокин заметно нервничал. Сегодняшний вечер, на который имелись большие планы, накрывался медным тазом. Пару дней назад они с Андрюхой застолбили в клубе отличных девочек, всё это время их старательно окучивали, и девочки наконец созрели. На вечер уже была заказана сауна, и парни пребывали в крайнем нетерпении. Но когда часы отсчитывали последние минуты рабочего дня, девочки неожиданно дали отбой, ничего даже толком не объяснив. Впрочем, кому они нужны эти объяснения, главное – всё сорвалось. А настрой-то попёр, да и сауна уже на парах.

Друзья не стали отчаиваться и решили срочно сыскать девочкам замену. Они вдоль и поперёк прошерстили списки номеров в своих телефонах, где под разными кодовыми именами значились нужные контакты, но всё было мимо. Андрюха рванул на сайты знакомств – там всегда можно было найти что-то более-менее подходящее для бесплатного секса. Но из огромной сети, в которой трепыхались сотни любительниц яркой наживки, выудить что-нибудь вменяемое не вышло, тем более в двух экземплярах. Будучи опытными охотниками, друзья не бросались на тех, кто только за деньги, да и отстой какой-нибудь, никем не востребованный, для

них тоже не годился: они себя уважали, и поэтому искали добычу среди наивных симпапушек, жаждущих не просто физического контакта, но непременно мужского тепла и внимания. Такие почти всегда были чуткими, эмоциональными и неленивыми. То, что надо.

Но сегодня звёзды, похоже, никак не благоволили их долгожданному релаксу. Времени оставалось всего ничего, но ребята не сдавались: рыли носом землю в интенсивных поисках. И вдруг громом среди ясного неба грянул телефонный звонок, который не оставил охотникам никакой надежды. Звонила в слезах и панике жена Андрюхи: их годовалой дочке, которую они уже месяц лечили от какой-то сложной пневмонии, стало опять плохо, и её надо было срочно везти в больницу. Андрюха, изрядно поматерившись, помчал домой.

«Хоть врать ничего не придётся», – вздохнул Михаил, которому пришлось звонить в сауну с отменой. Они с Андрюхой были там частыми клиентами, поэтому отношения портить не хотелось. «Всё равно придётся компенсировать неустойку, хоть и причина уважительная», – подумал он, слушая телефонные гудки. Сауна не спешила отвечать, и Михаил прямо в трубку выдал пару непечатных фраз, в которых выразил всю свою злость из-за сорвавшегося вечера.

Семья была приятно удивлена столь раннему визиту отца семейства: законная половина радостно засуетилась на кухне, а дочка притащила прямо в прихожую какие-то рисунки,

которые срочно надо было показать папе.

Где-то через час переодетый, вкусно накормленный и малость разморенный Михаил услышал неожиданную просьбу:

– Проверь у Дашки уроки, а то я уже совсем зашилась, – пролепетала жена, – у меня ещё на кухне тут дела, а потом конспекты на завтра нужно дописать.

– Студентка ты наша, – хмыкнул уставший от неуёмной страсти своей супруги к знаниям Михаил. – Оль, и не надоел тебе этот нескончаемый ликбез, а? На фига тебе это второе образование, если ты всё равно дома сидишь?

– Но я же не буду всю жизнь дома сидеть – вот Дашка подрастёт, и на работу пойду.

Михаил эти разговоры слышал уже не первый год, но реализовать своё трудовое рвение у жены никак не получалось: то надо было подготовить Дашку к школе, потом был самый ответственный первый класс, и ни о какой работе вообще не могло идти речи. Сейчас ребёнок уже в третьем, но теперь причина другая: пятый курс, диплом на носу. Он понимал, что добивать всё это образовательное дело надо: денежки не него ушли немалые, да и так – время, нервы…

– Проверишь, Миш? – взмолилась супруга.

– Куда ж тебя денешь. А там ничего такого сложного? Я справлюсь?

– Третий класс! Справишься, не бойся.

Михаил дернул ещё чайку для храбрости и пошёл выполнять отцовский долг. Дочка такому проверяющему ди-

ко обрадовалась – минут пять визжала от радости и прыгала по комнате. Потом успокоилась, достала нужные тетрадки и книжки, всё обстоятельно рассказала папе, что и как нужно было делать, и показала, как сама справилась с работой. Огорошила после этого какими-то вопросами, которые она читала из учебника и тут же бойко давала на них ответы, а под конец совсем уже ничего не понимающего Михаила добила очень странным вопросом:

– А «Список добрых дел» ты будешь смотреть? Мама его тоже проверяет.

Родитель чуть не рухнул со стула.

– Какой-какой список?

– «Список добрых дел», – отрапортовала Дашка.

– Ну-ка, показывай, что тут у тебя за список, – чувствуя, что вечер прошел всё-таки не зря, Михаил оживился. Он взял протянутую ему тетрадь, открыл её и обалдел. Это было что-то вроде дневника, в котором каждой дате – у Дашки дни стояли подряд, без пропусков – соответствовало упоминание о каком-то благом деянии, ею совершённом. «Покормила на улице голубей куском булки», «Помогла Свете с домашним заданием», «Дала деньги нищей в переходе», – список добрых дел дочери был внушительным.

– А это что? «Помогла тёте в магазине открыть пакет». Какой пакет? – начал недоумевать Михаил.

– Ну, такой прозрачный, одноразовый. Она его никак открыть не могла – там же знаешь, краешек нужный найти на-

до, потом расщепить его – вот она мучилась, а потом меня попросила помочь. Она в очках была – может, видела плохо.

Михаил продолжал листать тетрадь. Судя по записям, он, несомненно, мог гордиться своей дочерью – каждый день она, молодчина, какую-никакую, но пользу обществу приносила. Больше всего записей было такого содержания: «Помогала маме мыть посуду (убирать, вытирать пыль и т.д.)»

«Может, и не всегда это делала, но строчить успевала аж бегом», – ухмыльнулся он Дашкиной сообразительности.

– И как тебе? – с гордостью поинтересовался ребёнок.

Михаил развёл руками: дескать, проникся по полной, нечего даже сказать. Дочка ликовала.

На этом, малость озадаченный, он и завершил изучение её послужного списка.

– Оля, – направился сразу к жене. – А что это за муть ребенок ведёт – этот, как его? Дневник, список… А звёздочек октябрятских и отрядов тимуровских у них там в классе нет случайно?

– А, ты про это… – супруге, погружённой в науки, понадобилось какое-то время, чтоб прийти в себя. – Анна Николаевна предложила на собрании, чтоб дети такой список составляли. Мол, им это будет полезно – анализировать свои дела, обдумывать там… И письменные навыки развиваются. Мы все согласились.

– Но это же чушь, – стал возмущаться Михаил. – Она там ерунду такую пишет. А если завтра ей случится что-то дей-

ствительно путное сделать, так она тут так загордится, что не подходи.

– Ничего не загордится. А потом, это ведь хорошо, что ребёнок учится ценить свои поступки, значит, учится уважать себя.

– Да врать она учится с этим дневником! Ты видела эти «Маме помогала…»? Такое ощущение, что она у тебя прям посудомойкой тут на полставки, и уборщицей ещё заодно. Я что-то не видел, чтоб она вот так вот каждый день тут у тебя пахала.

– Ну, она не пашет, а помогает. Даже если пару тарелок полотенцем протрёт, всё равно это уже помощь. И вообще, Миш, ну что ты видишь? Ты домой когда приходишь? Тото. Так что ребёнком больше я занимаюсь и мне виднее. Как, кстати, уроки?

– По урокам она, конечно, зверь, – кивком головы он выразил признательность жене за её воспитательные заслуги, и, понимая дальнейшую бессмысленность разговора, двинулся в сторону дивана. Включил телик, пощёлкал пультом – смотреть, как обычно, было нечего. Сходил на кухню, сделал себе бутерброд. Заглатывая его, подумал, что стал в последнее время много есть. Ощущал всё время какую-то пустоту внутри, поэтому старался заполнять её едой. Чувствовал, что это неправильно, но поделать ничего не мог.

Вернулся опять к телевизору. Репертуар в ящике был всё тот же. Лёг на диван и начал размышлять о том, какие доб-

рые дела он совершил за сегодняшний день. Так сказать, коптил небо или всё-таки что-то хорошее для окружающего мира сделал.

Чтоб не запутаться и ничего не забыть, пошёл с самого утра – по порядку.

На работу почти не опоздал. Это, конечно, ещё не подвиг, но всё равно молодец – похвалил себя Михаил. Потом полчаса провёл в курилке: с одной стороны, плюсиком это дело не отметишь, а с другой – он ведь не просто так там стоял. Сначала вытирал сопли бухгалтерше Вике, которую бросил бойфренд. Предоставил в её полное распоряжение свою жилетку, носовой платок и время, конечно, не просто так: он давно на неё глаз положил. Но с другой стороны, благодаря ему она быстро успокоилась и вернулась в строй, чтоб приносить своим трудом пользу обществу.

Потом там же, в курилке, Михаил перетёр с юристом парочку шкурных вопросов, которые у него возникли со страховой компанией. Эти уроды-страховики как деньги твои брать и золотые горы обещать, так они первые, а как обещанное потом на бочку, так сразу в кусты. Юрист дал пару ценных советов, и вооруженный правовыми знаниями, а значит, очень опасный Михаил тут же помчался звонить в страховую компанию и выкладывать им новые козыри.

Почти час он провёл в телефонном общении: как лев, сражался за каждую копейку, угрожал несговорчивым страховикам гражданским судом и карой небесной, да так убеди-

тельно, что те с некоторыми из его претензий всё-таки согласились. Не факт, что это согласие трансформируется в звонкую монету, которая по зарез нужна на ремонт машины, но моральный задел для великих побед сделан, а значит, бесспорный плюсик в список добрых дел можно ставить. Конечно, польза тут только для него и его семьи, ну так а жена и дочка – что не люди? Опять же предков на дачу катать на чём прикажете? Одним словом, семейные интересы – это святое, и обсуждению не подлежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.